

«Убійца мой!»—отозвалось
 По всѣмъ концамъ собранья,
 И съ страшнымъ гуломъ потряслось
 Стремительно все зданье...

LV.

Померкъ румяный свѣтъ огней,
 Загрохотали громы,
 И сталь незримъ въ кругу гостей
 Чудесный незнакомый;
 И отвратительный фантомъ,
 Въ молчаніи суровомъ,
 Предсталъ, одѣянный плащомъ,
 Широкимъ и багровымъ.

LVI.

Изъ-подъ полы огромный мечъ,
 Кинжалъ и рогъ блистають,
 И перья черныя до плечъ
 Съ шелома упадають;
 Зіяетъ рана на его
 Грудь окровавленной,
 И страшны блѣдное чело
 И взоръ окаменѣнный.

LVII.

Съ привѣтомъ хладнымъ и нѣмымъ
 На старца онъ взираетъ
 И, взоръ ослабивъ, передъ нимъ
 Колѣно преклоняетъ;
 И грозно кажетъ на груди
 Запекшую рану
 Безъ чувствъ простертому среди
 Друзей своихъ Аллану.

LVIII.

Вновь громы въ мрачныхъ облакахъ
 Надъ Альвой загремѣли:
 Щиты и латы на стѣнахъ
 Протяжно зазвенѣли,
 И тѣнь, въ ужасной красотѣ,
 Одѣянная тучей,
 Взвилась и скрылась въ высотъ,
 Какъ метеоръ летучій.